

Средневозрастная женщина, получившая шлемом по голове и повалившаяся на землю, вытирая кровь из носа, в ярости топала ногами:

— Я её мать! Что такого в том, что я её ударила? Даже если я забью её до смерти, никто не посмеет вмешаться.

Оказалось, что это те самые три пиявки из семьи Чэн Чэнь. Сюй Цзай как раз ломала голову, как бы заступиться за подругу, а они сами явились на порог.

— Кто сказал, что никто не посмеет! Полиция скоро будет здесь. Записи с камер, свидетельские показания, улики — никто из вас не уйдет от ответственности.

Её слова прозвучали весьма решительно, но оппоненты лишь рассмеялись, словно услышали глупую шутку, и презрительно фыркнули.

Мать Чэн закричала:

— Иди и жалуйся! Я воспитываю своего ребенка, это не преступление. Эта дрянь уже столько раз вызывала полицию, спроси её, хоть раз это помогло? А вот то, что ты меня ударила — другое дело.

Она ткнула пальцем в свою опухшую щеку:

— Готовься платить по счетам!

При упоминании денег глаза брата Чэн Чэнь, выглядевшего точь-в-точь как наркоман, загорелись. Он подхватил:

— Плати! Плати! Такая красавица, как ты, наверняка нашла себе богатых мужиков, которые тебя содержат! Ты подруга моей сестры, она должна нашей семье денег, так что ты обязана их вернуть!

Чушь собачья!

У Сюй Цзай от злости заскрежетали зубы, ей нестерпимо хотелось снова огреть этого хама шлемом. Однако Чэн Чэнь потянула её за рукав и беспомощно покачала головой:

— Бесполезно, Цзай-Цзай. Полиция действительно не вмешивается в семейные конфликты. Не стоит тебе из-за меня ввязываться в неприятности.

Неужели домашнее насилие и правда никого не волнует?

Сюй Цзай в это не верила.

— Сюда, полиция! Тот, кто распускает руки, здесь! — Ян Вэньцзюнь привел двух стражей порядка.

Но, как и говорила Чэн Чэнь, это было классифицировано как внутренний семейный конфликт. Полиция не стала заводить дело, однако и не позволила этой троице продолжать беспредел, особенно когда те начали требовать арестовать Сюй Цзай и заставить её платить.

— Она меня ударила, и это просто так сойдет ей с рук? Товарищи полицейские, вы же не можете позволить обижать честных людей. Разве врачи — это не плохие люди? По-моему, мою дочь испортила именно она.

Видя, что семейство Чэн не собирается успокаиваться, полицейские, следуя принципу официального разбирательства, заявили:

— Мы разобрались в ситуации. Если вы не хотите мириться, то давайте проедем в участок и там всё обсудим, не стоит мешать работе больницы.

С грохотом шлем выпал из рук Сюй Цзай.

Если они окажутся в участке, об этом узнает мэр Лю!

Слух о том, что это не просто скандал, а нечто большее, быстро распространился, и студенты-медики начали собираться вокруг.

— Студентка Сюй обычно выглядит такой хрупкой, а дерется без капли жалости.

— Зачем идти в медицинский, если нет денег? Мы становимся врачами не ради наживы. А теперь из-за этих двух паршивых овец вся репутация испорчена.

— Эй, вы слышали? Говорят, она самовольно провела трепанацию черепа, чуть не угробив пациента. Неизвестно, с кем из руководства она переспала, чтобы замять это дело.

В этот момент кто-то выкрикнул:

— Ректор Лу идет!

Толпа расступилась. Сюй Цзай обернулась: к ней приближался мужчина в белом халате, в очках в золотой оправе, с короткими волосами, слегка развевающимися при ходьбе.

Он прошел мимо неё, даже не взглянув, и пнул черным кожаным туфлем валявшийся на полу шлем.

— Что здесь происходит?

Полицейские не успели ответить, как мать Чэн выскочила вперед, указывая на свой все еще кровоточащий нос:

— Врач из вашей больницы избила человека!

Лу Сыхэн повернулся к Сюй Цзай, ожидая объяснений.

Солнце уже склонилось к закату, освещая лишь половину его фигуры. Его лицо в тени выглядело мрачным и суровым, отчего по спине пробежал холодок.

Сюй Цзай понимала, что попала в беду, но всё же попыталась оправдаться:

— Ректор Лу, они первые начали драку, я действовала в рамках необходимой самообороны, защищая Чэн Чэнь.

Лу Сыхэн скользнул взглядом по разорванному халату и растрепанным волосам Чэн Чэнь, едва заметно поджал губы и кивнул помощнику, приказав показать полиции запись с камер наблюдения.

— Товарищи полицейские.

— Ректор Лу. — Полицейские узнали его.

Три дня назад, когда мэр Лю прибыл в Северную больницу №1 для координации ликвидации последствий крупного ДТП, начальник участка особо предупредил их, что в этой больнице есть человек, которого нельзя злить — сын мэра.

— Факты очевидны. Есть еще вопросы?

Он не сказал прямо, но участковый понял: этот господин Лу намерен защитить врача своей больницы.

Изначально сторона семьи Чэн была неправа, но после того, как врач ответила, ситуация превратилась в обоюдную драку, и с точки зрения закона избежать записи в личном деле было бы непросто.

Однако семейство Чэн выглядело как кучка подонков, на которых, вероятно, и так висело полно правонарушений, им было нечего терять. А вот девушку было жаль — скорее всего, она лишится работы.

Полицейский мгновенно изменил тон в сторону семьи Чэн:

— Записи с камер показывают, что вы втроем занимались хулиганством и нарушением общественного порядка. Теперь вы проедете с нами в участок для дальнейшего разбирательства.

От обвинения в домашнем насилии до статьи о хулиганстве — семейство Чэн было ошарашено.

Мать Чэн не смирилась:

— Вы же покрываете... что?

Сын подхватил:

— Именно! Мы не... — он хотел сказать «не согласны».

Но прежде чем слово слетело с его губ, мужчина в белом халате, чьи тонкие губы сжались в прямую линию, посмотрел на них так, словно перед ним была куча мусора, и холодно произнес:

— Если вы не согласны, то я могу поехать в участок вместе с вами и там мы обстоятельно побеседуем.

Отец Чэн, поняв, что ситуация принимает дурной оборот, тут же сменил тон:

— Товарищи полицейские, я... я не буду подавать жалобу на то, что она дралась.

Но было поздно.

— Разберемся в участке.

Вскоре после этого Сюй Цзай, Чэн Чэнь и Ян Вэньцзюнь выстроились в ряд в кабинете ректора.

Мужчина в очках сидел за рабочим столом, сжимая пальцы, и в кабинете царило тяжелое напряжение.

Каждый раз, когда он с хрустом разминал суставы, сердце Сюй Цзай сжималось.

Из-за пережитого потрясения состояние Чэн Чэнь было крайне плохим, она не могла долго стоять, и Сюй Цзай пришлось взять инициативу на себя:

— Ректор Лу, Чэн Чэнь сейчас...

— Заткнись. С твоим вопросом разберемся позже, — холодный, низкий голос мужчины прервал её мольбы.

Лу Сыхэн указал на единственного парня среди них:

— Ты...

Ян Вэньцзюнь был самым невиновным во всей этой истории, он бегал и помогал им, и если бы из-за этого он получил взыскание, Сюй Цзай не простила бы себе этого.

Она уже хотела рискнуть и вступить, но услышала, как Ян Вэньцзюнь оправдывается:

— Ректор, вся эта ситуация не имеет ко мне никакого отношения. Я был просто случайным прохожим, лишь вызвал полицию и показал вам дорогу, больше ни в чем не участвовал.

Сюй Цзай уставилась на него округлившимися глазами.

Ян Вэньцзюнь втянул голову в плечи и умоляюще посмотрел на неё.

Обычно он был верным другом, но явно не в такой ситуации. Поступить в медицинский университет Пекина было непросто. Его семья была обеспеченной, но лишь по меркам среднего класса, они потратили миллионы, чтобы вырастить из него врача, и ради симпатии к однокурснице он не мог ставить на кон кровно заработанные деньги родителей.

Сюй Цзай не винила его. В присутствии Лу Сыхэна не пытаться спасти свою шкуру было бы глупостью.

Лу Сыхэн слегка приподнял бровь, словно удовлетворенный ответом, и перевел взгляд на Сюй Цзай, говоря официальным тоном:

— Студентка Чэн, ваш вопрос уже решен руководством больницы.

Он указал на протокол вызова полиции:

— После обсуждения мы решили не преследовать вас за инцидент, нанесший ущерб репутации больницы, но, пожалуйста, вернетесь к работе только после того, как полностью разберетесь с семейными проблемами.

Сюй Цзай понимала, что это максимальная уступка со стороны Лу Сыхэна, но всё равно была шокирована его безжалостностью. Чэн Чэнь ни в чем не была виновата, но должна была нести ответственность за этих отбросов.

Внутри неё закипал гнев:

— Ректор Лу, это ваше отношение к будущим сотрудникам?

Как только эти слова сорвались с её уст, Ян Вэньцзюнь и Чэн Чэнь одновременно открыли рты от изумления.

Она что, сошла с ума? Неужели она не понимает, что ректор держит в руках их судьбы?

— Ректор Лу, не обращайтесь на неё внимания, я готова подчиниться решению больницы.

Металлическая оправа очков в этот момент отразила лучи заходящего солнца, пробивавшиеся сквозь окно.

Он ответил спокойным голосом:

— Выходите.

Когда трое уже повернулись, чтобы уйти, они слышали:

— Я разве разрешил вам идти?

<http://bllate.org/book/20921/2116919>